

Псаломъ 37.

НАДПИСАНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ.

Ст. 1) *ѸглоѸмъ дѣдѸ, въ воспонинаніе ѿ сѸбботѣ.*

Надпись псалма сего въ Еврейскомъ текстѣ не упоминаетъ о субботѣ, а токмо полагаетъ: Пѣснь Давидова въ воспоминаніе; но семьдесятъ толковники для лучшаго изъясненія матеріи псалма заблагоразсудили приложить слово и о субботѣ. Блаженный Августинъ, которому послѣдуетъ и святой Григорій (Бесѣдовникъ), мнитъ, что сей псаломъ, яко единъ изъ покаянныхъ, прилично сложенъ кающимся Давидомъ въ воспоминаніе субботы, то есть покоя, потеряннаго въ состояніи невинности, и обѣщаннаго въ воскресеніе праведныхъ: можно также разумѣть и о той субботѣ, которую празднуетъ блага совѣсть, наслаждаяся благодатию Бога, и которую теряетъ тотъ, кто согрѣшаетъ, и наки о которой съ воздыханіемъ воспоминаетъ, кто истинное покаяніе приноситъ начинаетъ. Итакъ, содержаніемъ псалма сего есть молитва кающагося, подобная той, которая содержится во псалмѣ 6, и которая то же самое начало имѣетъ; почему весьма вѣроятно, что сія молитва сложена въ то время, въ которое убѣжалъ Давидъ изъ Иерусалима, по причинѣ гоненія Авессаломля.

ТОЛКОВАНИЕ.

2) *Гдѣ, да не яростію твоєю ѡблчиши мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажеши мене.*

Молится кающійся Давидъ, дабы Богъ не наказалъ его во гнѣвѣ и въ ярости Своей, какъ поступаетъ судія съ преступниками, но наказалъ бы его съ милостию, какъ поступаетъ врачъ съ болящими. Зри реченная въ началѣ псалма 6, гдѣ сказали мы, что между яростію и гнѣвомъ, и между глаголами *обличиши* и *накажеши* нѣтъ никакого разнствія. Но ежели кому угодно различіе принять, тотъ можетъ, съ блаженнымъ Августиномъ и съ святымъ Григоріемъ, разумѣть, что во гнѣвѣ наказываются тѣ, которые претерпѣваютъ за грѣхи страданія временная, а обличаются въ ярости тѣ, которые осуждаются въ геенну. Пророкъ убо молится Богу, дабы Онъ наказалъ его здѣсь за содѣланные грѣхи, а не въ гееннѣ или въ вѣчномъ огнѣ, который всего того тяжчае, что можетъ человекъ претерпѣть въ жизни сей. Къ сему присовокупить должно и то, что хотя въ семъ мѣстѣ и въ псалмѣ 6, стихъ 2, гнѣвѣ Божій берется за осужденіе, происходящее отъ правосудія: однако индѣ берется иногда за отеческую ревность Бога, Который гнѣвается на сыновъ не съ тѣмъ, чтобъ ихъ погубить, но сохранить.

3) *ИѡкѸ стрѣлы твоѡ оунзоша во мнѣ, и оутвердилъ єси на мнѣ рѣкѸ твою.*

Понеже вѣдалъ Пророкъ, что нѣтъ ничего сильнѣе ко испрошенію прощенія грѣховъ, какъ совершенное признаніе грѣха и оплакиваніе онаго предъ Господомъ, для того въ семъ и въ нѣсколькихъ слѣдующихъ стихахъ оплакиваетъ бѣдствіе, которое приноситъ съ собою смертный грѣхъ, аки бы сказалъ: не обличи и не накажи меня во гнѣвѣ Твоемъ, понеже зѣло тяжекъ есть, какъ я испыталъ уже опытомъ моимъ. Ибо бѣдствія и скорби, приключившіяся мнѣ за грѣхи мои, которые Ты праведно наказываешь, яко стрѣлы унзоша во мнѣ, то есть, не слегка токмо коснулись, но проникли во внутренность сердца: ибо Ты такъ отяготилъ на мнѣ руку Твою, что стрѣлы оныя глубоко пронзили меня. Подъ именемъ же стрѣлъ сихъ разумѣеть ово смерть сына, отъ Вирсавіи зачатаго, ово безчестіе дщери, отъ роднаго брата Аммона насилуваннаго, ово кровосмѣшеніе и прелюбодѣянніе женъ своихъ, отъ Авессалома оскверненныхъ, ово изгнаніе свое изъ царства и низложеніе съ престола, и другія симъ подобныя бѣдствія, которыя претерпѣлъ онъ за грѣхъ свой, Богу его наказующу. А можетъ быть, стрѣлами нарицаеть и оныя обличительныя слова, которыя отъ Наавана посланника Божія слышалъ: *сія глаголетъ Господь Богъ Израилевъ: Азъ есмь помазавый тя въ царя надъ Израилемъ, и Азъ есмь, избавивый тя отъ руки Сауловы. И дахъ ти домъ господина твоего, и жены господина твоего на лоно твое, и дахъ ти домъ Израилевъ и Иудинъ: и что яко презрѣлъ еси слово Господне, еже сотворити лукавое предъ очима Его? Урїю Хеттеанина убилъ еси мечемъ, и жену его поялъ еси себѣ въ жену: и нынѣ не отступитъ мечъ отъ дому твоего до вѣка (2 Царст. 12, 7 и слѣд.).* Таковая

укоризна за презрѣніе благодѣяній, и возвѣщеніе казней безъ сомнѣнія весьма тяжко пронзило душу Давида, и поразило его стыдомъ, боязнію и презрѣльною печалію.

4) Нѣсть ѡцѣленіа въ плѣти моеѣ ѡ лица гнѣва твоегѡ, нѣсть міра въ костехъ моихъ ѡ лица грѣхъ моихъ.

Описываетъ дѣйствіе стрѣлъ Господнихъ, и глаголетъ, что онъ сильно смущается и не можетъ обрѣсти себѣ покоя, воображая гнѣвъ Божій и грѣхи свои, которыми гнѣвъ оный привлекъ на себя. *Нѣсть исцѣленія, глаголетъ, въ плоти моей отъ лица гнѣва Твоего,* то есть, воображеніе гнѣва Твоего, которое всегда обращается предъ мысленными очами моими, тѣло мое печалію снѣдаетъ и чувствительно изнуряетъ. *Нѣсть міра въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ,* то есть: воображеніе безобразія и тяжести грѣха моего такъ меня смущаетъ, что не имѣю никакого покоя, но даже и самыя содрогаются кости.

5) Яко беззаконіа моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое ѡтяготѣша на мнѣ.

Даётъ причину, чего ради толико смущается, взирая на грѣхи свои: понеже, глаголетъ, грѣхи его суть многи и велики. *Яко беззаконія моя превзыдоша главу мою:* то есть, въ такую кучу возрасли, что меня совсѣмъ подавляютъ, подобно водѣ, которая со всѣхъ сторонъ подавляетъ человѣка, который зашелъ въ глубокою рѣку такъ, что вода превышаетъ главу его. *Яко бремя тяжкое ѡтяготѣша на мнѣ:* то есть, грѣхи мои такъ велики, что бременяютъ рамена души моя, подобно неудобъ носимой тяжести; ибо превышаютъ силы мои такъ, что я не могу соответствовать столь тяжкому игу. Грѣхъ Давидовъ хотя состоялъ въ одномъ токмо прелюбодѣянніи и убійствѣ; но истинно кающійся усматриваетъ въ немъ многія безобразія и гнусности. Ибо Давидъ обидѣлъ Урію, вѣрнаго слугу своего, у котораго жену и жизнь похитилъ; обидѣлъ Вирсавію, которую на грѣхъ склонилъ и нравственно убилъ; обидѣлъ женъ своихъ, къ которымъ вѣрности не сохранилъ; обидѣлъ весь народъ, паче же и самыхъ невѣрныхъ, худымъ примѣромъ соблазнилъ, почему и Пророкъ Наѡанъ сказалъ: *яко поощряя изострилъ еси враговъ Господнихъ глаголомъ симъ* (2 Цар. 12, 14); обидѣлъ, наконецъ, Бога, Котораго законъ явно преступилъ. Итакъ, ежели исчислить, сколько лицъ онымъ грѣхомъ своимъ Давидъ оскорбилъ, то не безъ причины долженъ былъ онъ сказать: *беззаконія моя превзыдоша главу мою.* За симъ тяжесть грѣха его и изъ слѣдующихъ обстоятельствъ познать можно: ибо 1) убилъ Урію невиннаго; 2) весьма вѣрнаго; 3) такого, который тогда за Давида кровь на брани проливалъ; 4) понеже жену его прелюбодѣйствомъ осквернилъ, и тѣмъ не удовлетворяясь, захотѣлъ еще больше обидѣть его, ибо 5) умыслилъ сдѣлать его самого виновникомъ смерти своей, написавъ ко Іоаву, дабы убилъ Урію, и тѣмъ удостовѣрить хотѣлъ, что онъ въ великомъ нѣкоемъ преступленіи виновенъ, а симъ образомъ славу имени его опорочилъ. Главная же причина тяжести грѣха Давидова была неблагодарность къ Богу, Который на одного его всѣ почти тѣлесныя и духовныя дары изліялъ: ибо Онъ сдѣлалъ его и царемъ великимъ, и пророкомъ изящнымъ, и военачальникомъ прехрабрымъ. Онъ одарилъ его мудростію, тѣлесною силою, красотою лица, богатствомъ и всѣми благами, какія только человѣку пожелать было возможно. Все сіе, поистинѣ, содѣловало грѣхъ его тяжчайшимъ, который когда самъ онъ положилъ на вѣсы здраваго разсужденія, то не могъ по справедливости не сказать: *беззаконія моя яко бремя тяжкое ѡтяготѣша на мнѣ.* И сія есть причина, чего ради многіе не такъ ощущаютъ чувствованіе соболѣзнованія о грѣхахъ своихъ, какъ бы ощущать надлежало: понеже немногіе тяжесть грѣха на вѣсахъ прямаго разсужденія измѣряютъ.

6) Возмердѣша и сѡгнѣша рѣны мои, ѡ лица беззаконіа моего.

Сіи слова относятся къ тому времени, которое прошло между грѣхомъ прелюбодѣяннія и увѣщаніемъ пророка Наѡана и продолжалось болѣе девяти мѣсяцевъ, ибо Наѡанъ обличилъ Давида тогда, когда уже родился младенецъ, отъ прелюбодѣяннія онаго зачатый, какъ повѣствуется во второй книгѣ Царствъ, въ гл. 12. Итакъ, чрезъ все оное время медлил Давидъ врачевать язвы грѣха своего покаяніемъ. Между же тѣмъ, нарастали на нихъ какъ бы нѣкіе струпы забвенія, которые не попускали ему видѣть язвъ, но струпы оныя загнивались, и язвы дѣлалися тяжчайшими и неисцѣльнѣйшими. И сіе-то состояніе свое оплакиваетъ здѣсь, глаголя: *возмердѣша*

и согнишиа раны моя отъ лица безумія моего, то есть: безуміе мое, а не искусство врача было причиною того, что я ранъ моихъ не примѣчалъ; оно же было причиною и того, что раны оныя, загнившись, мерзость и зловоніе соблазна во всѣ стороны распространили.

7) Ποστράδαχζ ἡ σλακόχηα до конца, вѣсь дѣнь сѣтѣα χοждаχζ.

Отъ онаго гніенія ранъ произошло то, что Давидъ сдѣлался дряхль и погорбленъ. Сіе можно разумѣть двоякимъ образомъ: во первыхъ, о грѣхѣ, во вторыхъ, о наказаніи. Ибо кто тяжко согрѣшаетъ, а наипаче грѣхомъ любострастія, тотъ въ самомъ дѣлѣ бываетъ сляченъ: понеже оставя Бога, въ которомъ состоитъ истинное наше услажденіе, преклоняется къ землѣ и бываетъ подобенъ скотамъ, и потому страждетъ *до конца*, то есть, зѣло бываетъ бѣденъ, такъ что бѣднѣ его никто быть не можетъ; понеже отъ наслажденія Ангельскаго уклоняется къ похотямъ скотскимъ. Можно разумѣть слова сіи и о наказаніи: ибо кто оскверняется грѣхомъ любострастія, тотъ страждетъ и слячется угрызеніемъ совѣсти, страхомъ гнѣва Божія, стыдомъ и срамомъ, такъ что таковой человѣкъ не смѣетъ уже и очей возвести на небо. Но можно еще оба разумѣнія соединить вмѣстѣ; и протолковать такъ: *пострадахъ и слякохся до конца*, ово потому, что душевныя очи, которыя долженствовали имѣть углубленны въ Бозѣ; обратилъ къ плотскимъ и подлымъ удовольствіямъ, ово потому, что отъ стыда на небо возрѣть не могу, но аки скотъ въ землю смотрѣть принужденъ бываю. Сего ради, не терпя угрызающія и обличающія совѣсти, повседневно смущенъ и печаленъ хожу: ибо какое веселіе можетъ быть человѣку грѣхами сляченному, ежели только чувствуетъ онъ грѣхи свои?

8) Ἰἶκω λᾶδίωα μοῦ напълнишася порῶγᾶνῖη (въ Евр. ὀгнежженіа), ἡ нѣсть исцѣленіа въ плоти моѣй.

9) Ὡзлбленз быхъ ἡ смирихъα до сѣлᾶ, рыкахъ ὠ въздыханіа сѣрца моего.

Отъ частнаго грѣха своего преходитъ Пророкъ ко всеобщему растлѣнію, которое ощущалъ онъ во плоти своей по причинѣ грѣха прародительскаго, откуда частный грѣхъ оный аки отъ источника проистекалъ: на что жалуясь, глаголетъ, что онъ по причинѣ растлѣнія онаго принужденъ страдать, смиряться, непрестанно стенать и рыкать. *Яко лядвія моя наполнишася огнежженія*: то есть, часть оная скотская и похотствующая, прервавъ узду первобытныя непорочности, раждаетъ во мнѣ непрестанно пожеланія безчестныя и гнусныя, которыми аки огнемъ жжетъ нижнія части тѣла моего. *И нѣсть исцѣленія въ плоти моѣй*: понеже не живетъ въ ней благое, но злое скопище страстей различныхъ, которыя дѣлають ее безсильною. Сего ради *озлбленъ быхъ, и смирихся до зѣла*: ибо стыдно мнѣ, человѣку, разумомъ одаренному, подвержену быть таковымъ скотскимъ движеніямъ. Сего ради стену отъ болѣзни и не могу удержать въздыханія внутрь сердца моего, но аки звѣрь рыкаю, и сильный вопль произношу. Раввины и ихъ послѣдователи баснословятъ здѣсь о какой-то болѣзни тѣлесной и гнусной, которою аки бы Давидъ страдалъ въ дѣтородныхъ частяхъ тѣла; но святые отцы: Амвросій, Иеронимъ, Августинъ и Григорій въ толкованіяхъ своихъ относятъ всѣ слова сіи къ похоти плотской, сказуя, что сія Давидова жалоба подобна той, о которой читаемъ у Апостола въ посланіи къ Римляномъ, въ главѣ 7, 23-24: *вижду инъ законъ во удѣхъ моихъ, противу воюющъ закону ума моего, и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ, суцимъ во удѣхъ моихъ. Окаяненъ азъ человекъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?*

10) Ἢν, предъ тобою вѣ желаніе моє, ἡ въздыханіе моє ὠ тебе не оῦтаніа.

Понеже сказалъ, что внутреннее въздыханіе сердца произвело наружный вопль и рыканіе, для того объясняетъ здѣсь, къ кому въздыхаетъ сердцемъ, — и глаголетъ, что въздыхаетъ къ Тому, Который испытуетъ сердца, и знаетъ, чего желаетъ духъ. *Господи, предъ Тобою все желаніе мое*: то есть, Ты, Господи, единъ зриши все желаніе мое, которое не въ иномъ чемъ состоитъ, какъ въ томъ, чтобы Ты меня избавилъ отъ вредныя похоти, и чтобы могъ я жить въ совершенномъ покоѣ. Сіе желаніе мое, сіе внутреннее въздыханіе мое отъ Тебе не сокрыто. Сему подобное нѣчто и Апостоль глаголетъ: *и мы сами въ себѣ въздыхаемъ, всыновленія чающе, и избавленія тѣлу нашему* (Рим. 8, 23).

11) Сѣрдце моє смачтѣа, ѡсѣлѣн ма сила моа, ἡ свѣтѣз ѡчю моєю, ἡ тоѣ нѣсть со мною.

Пророкъ продолжаетъ описывать растлѣніе естества человѣческаго, и во первыхъ, глаголетъ: *сердце мое смятется*, чѣмъ означаетъ внутреннюю брань, происходящую отъ мятежа низшія части противу высшія, то есть, плоти противу духа. Потомъ присовокупляетъ: *остави мя сила моя*: ибо отъ оной брани такая рождается немощь, что человѣкъ хотя и не хотя чувствуетъ пожеланія злыя, и со Апостоломъ вопіетъ: *еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю* (Рим. 7, 18). Къ сему, наконецъ, присовокупляетъ: *и свѣтъ очію моею, и той нѣсть со мною*. Ибо отъ той же брани родится не только немощь въ воли, но и помраченіе въ умѣ: понеже часто судимъ о вещахъ не такъ, какъ онѣ суть сами въ себѣ, но какъ намъ, злѣ расположеннымъ, кажутся, подобно страждущимъ огневицею, которые сладкое почитаютъ за горькое, а горькое за сладкое. Сего ради не глаголетъ: свѣтъ очей моихъ погасъ, но: *нѣсть со мною*; ибо свѣтъ разума или разсудка, хотя всегда есть въ душѣ разумной, но понеже тѣло, подверженное тлѣнію, обременяетъ душу, то мы, часто будучи развлекаемы плотскими страстями, не можемъ употреблять его. И потому говоритъ: *свѣтъ очей моихъ*, — свѣтъ, глаголю, очей внутреннихъ, *нѣсть со мною*, — хотя и во мнѣ есть. Во мнѣ есть по существу, нѣсть со мною по употребленію.

12) *Дрѣзніи мои и искренніи мои прѣдъ мною приближиша и стѣша.*

Описавъ брань, непрестанно внутри человѣка происходящую, здѣсь описываетъ еще и внѣшнія брани, гоненія и клеветы, которыя не что иное суть, какъ казни за грѣхи. И во первыхъ жалуется, что самые искренніе друзья его сдѣлались ему врагами. Сіе случилось наипаче во время мятежа сына его Авессаломъ, съ которымъ многіе изъ друзей и ближнихъ Давидовыхъ противъ него согласились. За симъ присовокупляетъ:

13) *И близкіи мои ѿдалече мене стѣша, и неждѣху ищущіи души мои: и ищущіи зла мнѣ глаголаху съетнаа, и льстивнымъ (словесемъ) весь день поучаху.*

Въ предыдущемъ стихѣ сказалъ, что самые искренніе друзья, каковъ былъ Авессаломъ и сообщники его, сдѣлались врагами и возстали на него съ тѣмъ, чтобъ вредъ причинить: а здѣсь говоритъ, что и тѣ, которые обыкновенно близь него стояли, яко то воины и рабы, отдалече стали, и во время гоненія не хотѣли придти къ нему, между тѣмъ какъ враги его съ великимъ усиліемъ старались жизнь отнять у него. И какъ Давидъ не токмо имѣлъ такихъ враговъ, которые искали души его, то есть, желали убить его, каковы были воины Авессаломовы; но и такихъ, которые поносили честь и достоинство его, каковъ былъ Семей, который *проклиналъ его проклятіемъ горькимъ*, какъ повѣствуется въ 3 книгѣ Царствъ, въ главѣ 2, и другихъ, которые хитрые совѣты давали противъ него; какъ то Ахитофель, и другіе: для того далѣе присовокупляетъ: *ищущіи злая мнѣ, глаголаху съетная, и льстивнымъ (словесемъ) весь день поучаху*.

14) *Иже же ѿкъ глухъ не слышахъ, и ѿкъ нѣмъ не ѿверзлаи ѹртъ своихъ:*

15) *И быхъ ѿкъ человѣкъ не слышай и не имый во ѹртѣхъ своихъ ѿбличенія.*

Сіи слова ясны и весьма истинны, что наипаче видѣть можно изъ 2 книги Цар. гл. 16, гдѣ читаемъ, что когда Семей проклиналъ Давида и нарицалъ его мужемъ кровей, то есть, убійцею и похитителемъ царства, тогда Давидъ съ удивительнымъ терпѣніемъ снесъ его, и ни единому изъ своихъ не попустилъ наказать или обличить его. Такимъ образомъ, сдѣлался *яко глухъ, и не слышай, и яко нѣмъ, и не имый во устѣхъ своихъ обличенія*.

16) *Иже на тѣ, гдѣ, ѹповѣхъ, ты ѹслышиши, гдѣ бже мой.*

Даетъ три причины, чего ради сдѣлался глухъ и нѣмъ: понеже де во первыхъ, за полезнѣйшее почель надежду свою возложить на Господа, нежели на свое собственное защищеніе. Аки бы сказалъ: я былъ глухъ и нѣмъ, *понеже на тя, Господи, уповахъ*; я не внималъ, сколько ни произнесли они ложныхъ и пустыхъ словъ на меня, понеже вѣдалъ, что Ты все слышишь и знаешь, и яко праведный Судія воздашь комуждо по дѣламъ его: и понеже на Тя уповалъ, то не сумнюсь, что Ты услышишь меня Господи Боже мой, и избавишь отъ устенъ неправедныхъ и отъ языка льстива.

17) *Иѣкѡ рѣхъ: да не когда порадоуютъ ми ся врази мои: и негда подвижатсѧ ногѣмъ моимъ, на мѧ велерѣчеваша.*

Сія есть вторая причина, чего ради сдѣлался глухимъ и нѣмымъ. *Яко рѣхъ*, глаголетъ, *да не когда порадоуютъ ми ся врази мои*. То есть: помыслилъ въ себѣ, что лучше мнѣ терпѣніе имѣть, и надѣяться на помощь Господню, нежели быть нетерпѣливу и воздавать зло за зло: ибо иначе Богъ оставилъ бы меня и врази мои порадовались о мнѣ, то есть, о паденіи моемъ. И не безъ причины боялся, дабы враги не порадовались о паденіи моемъ; ибо когда колебались ноги мои, то есть, когда близокъ былъ я къ паденію и находился въ опасности потеряніи царства, *врази мои на мя велерѣчеваша*, то есть, угрожали мнѣ конечною погибелію.

18) *Иѣкѡ ѡзъ на рѣны готовъ, и болѣзнь моѧ предо мною ѣсть вѣнъ.*

Присовокупляетъ третію причину, чего ради судилъ за благо сдѣлаться глухимъ и нѣмымъ предъ своими противниками. *Яко азъ*, глаголетъ, *за грѣхи мои на раны готовъ*, то есть: не токмо на язвительныя и хульныя слова, но и, что вѣще, на самые бичи; ибо болѣзнь, которую заслужилъ я, или грѣхъ мой, который былъ причиною непрестанныя болѣзни моя, всегда предъ мысленными очами моими обращается.

19) *Иѣкѡ беззаконіе моє ѡзъ возвѣщѣ и попекѣѡ ѡ грѣхѣ моємъ.*

Дасть причину, чего ради сказалъ: *яко азъ на раны готовъ*. Понеже, глаголетъ, беззаконіе мое признаю, и исповѣдую, что я согрѣшилъ, и потому заслужилъ тѣ раны: сего ради *попекѣѡ о грѣхѣ моємъ*, то есть, прилежно помыслию, какимъ образомъ могъ бы я очистить мой грѣхъ и чрезъ то примириться съ Господемъ и полное прощеніе отъ Него получить. Сіе бо спасительное наставленіе внушаетъ кающимся, дабы прилежно пеклися объ очищеніи грѣховъ и охотно принимали случаи, подаемые Богомъ приносить покаяніе.

20) *Врази же мои живѣтъ и оукрѣпишасѧ паче мене, и оумножишасѧ ненавиждѣи мѧ безъ правды.*

Пророкъ, предложивъ причины, чего ради сдѣлался глухъ и нѣмъ предъ своими противниками, дабы терпѣніемъ умилоститъ Бога, здѣсь противопоставляетъ терпѣнію своему непримиримую злобу враговъ, которые не смотря на то, что онъ не воздавалъ имъ зла за зло, противнымъ образомъ поступали съ нимъ, и зломъ платили за добро, однако жили благополучно, возвышались и укрѣплялися. Сіе же на тотъ конецъ упоминаетъ, дабы удобнѣе Бога на милость преклонить, аки бы сказалъ: я смиряюся и страдаю, и притомъ терпѣніе храню, такъ какъ бы былъ глухъ и нѣмъ: *врази же мои*, между тѣмъ, *живутъ*, благоденствуютъ, веселятся, укрѣпляются паче мене, и умножаются числомъ, ненавидя меня безъ всякія справедливия причины, или по крайней мѣрѣ по причинамъ ложнымъ и вымышленнымъ. Сіе по видимому относитъ къ возмущенію Авессаломъ, который лжею своею удостовѣрялъ народъ, что царь отецъ его не имѣетъ у себя людей, которые бы справедливо дѣла судили, и что ежели бы онъ былъ поставленъ царемъ, то сталъ бы судить весьма справедливо. Ибо отсюда произошло, что народъ взбунтовался и всѣмъ сердцемъ послѣдовалъ Авессалому, какъ повѣствуется во второй книгѣ Царствъ, въ главѣ 15.

21) *Воздѣиши мнѣ слѣѡ возъ блага ѡбогѣхѣ мѧ, зане гоняхъ благостыню.*

Доказываютъ вышереченныя слова, что враги ненавидѣли его безъ всякія справедливия причины. Ибо тѣ самые, которые пользовались его благодѣянiami, клеветали на него и воздавали зло за добро, каковъ былъ Авессаломъ и Ахитофель совѣтникъ. Ибо первый премногія благодѣянiя отъ Давида получилъ: онъ не задолго предъ симъ прощенъ былъ въ убійствѣ брата, однако облыгалъ Давида отца своего, яко нерадиваго и несправедливаго, говоря къ приходившимъ на судъ къ царю: *се словеса твоя блага и удобна, но слушающаго нѣтъ ти отъ царя* (2 Царств. 15, 3). Равнымъ образомъ и Ахитофель великую честь получилъ отъ Давида: онъ былъ главнымъ совѣтникомъ у царя, однако, забывъ благодѣянiе, отложился отъ Давида къ Авессалому, которому далъ весьма зловредныя совѣты противъ Давида (2 Цар. 16 и 17). Слѣдующія слова: *зане гоняхъ благостыню*, показываютъ, что Давидъ гонимъ былъ за то, что чистосердечно и благонамѣренно со всѣми

поступалъ, и потому противень былъ незаконнымъ намѣреніямъ и предпріятіямъ враговъ, что дѣлало бѣдствіе его тяжчайшимъ.

22) Не ѡгтѣвн менѣ, гдѣн бже мѡн, не ѡгтѣпн ѡ менѣ.

23) Вонми въ по́мощь мою, гдѣн спасѣніа моего.

Симъ заключаетъ псаломъ, и молится Богу, дабы помогъ ему покровительствомъ Своимъ, и какъ бы то же повторяетъ, что въ началѣ псалма сказалъ. Ибо Богъ тогда наказываетъ человѣка яростію и гнѣвомъ, когда лишаетъ его благодати Своея, и аки отъ врага отступаетъ, поставляя его среди враговъ обнаженна помощи Своея. Якоже убо въ началѣ псалма сказалъ: *Господи да не яростію Твоею обличиши мене*, тако здѣсь, при концѣ, заключаетъ: *не остави мене Господи Боже мой*, то есть: не отыми отъ мене милости Твоея; ибо Ты еси Господь мой, отъ Котораго я завишу весь, и Богъ мой, Который создалъ меня для Тебя, верховнаго блага. *Не отступи отъ мене*, яко отъ врага, но паче *вонми въ помощь мою*, яко отецъ, и яко виновникъ спасенія моего, котораго отъ Тебе единаго ожидаю, и на Котораго единаго надежду мою возлагаю.

По книге: ТОЛКОВАНІЕ НА ПСАЛТИРЬ, по тексту еврейскому и греческому, истолкованное тщаніемъ и трудами Святѣйшаго Правительствующаго Синода Члена, покойнаго Архіепископа Псковскаго, Лифляндскаго и Курляндскаго и Кавалера, ИРИНЕЯ. Изданіе девятое. Часть первая. МОСКВА. Синодальная Типографія. 1903 г.
1.00.26